

*Посвящается Крис Маррс
и моим замечательным детям,
чья любовь — мой хлеб насущный.*

1984

МОНСТРЫ

Мы ходим на двух ногах, не на четырех.

Ходить на четырех — нарушать закон.

Ойнго Бойнго, «Не проливай крови»

(альбом «На благо души», 1983)

Глава первая

На директорском столе — выпуск «Тайм». С обложки улыбается четырнадцатилетняя девочка. Косички, завязанные голубыми лентами. Крупные белые зубы, веснушки. Упругие шипастые отростки, торчащие из глазниц.

Внизу всего лишь одно слово: «ПОЧЕМУ?»

Почему это произошло? Или, может быть, — почему мир позволил подобному ребенку жить дальше?

Однако Пса интересовало другое: почему она улыбалась?

Возможно, это был просто рефлекс, когда она увидела направленную на нее камеру. Возможно, ей нравилось быть в центре внимания, пусть даже не слишком-то лестного.

Возможно, хотя бы на эти несколько секунд она почувствовала себя особенной.

Солнце Джорджии вовсю палило через мутные зарешеченные окна. Железный вентилятор в углу с гудением месил густой теплый воздух. За окном Пес заметил старый ржавый пикап, по крышу заросший полевыми цветами. Когда-то его любили, а потом припарковали здесь и оставили умирать. Если бы у Пса была такая

машина, он ехал бы и ехал и не останавливался бы никогда.

Открылась дверь. Вошел человек из правительства, в черном костюме и белой рубашке с сине-желтым галстуком. Скользкие от геля волосы приглажены назад. Сверкающие ботинки прощелкали по замызанному полу. Он сел в скрипучее кресло директора Уилларда и закурил сигарету. Шлепнул на стол папку с документами и принялся изучать Пса сквозь голубоватую дымку.

— Тебя зовут Псом, — наконец произнес он.

— Да, сэр. В смысле, другие ребята меня так зовут.

При разговоре Пес слегка подрыкивал, но следил за тем, чтобы слова звучали как надо. Учителя позаботились о том, чтобы он говорил правильно. Мозг как-то сказал ему, что такие признаки человеческого — единственное, благодаря чему дети еще живы.

— Но при крещении тебя назвали Енохом. Твое настоящее имя Енох Дэвис Брайант.

— Верно, сэр.

Енохом его называли учителя в Доме. Мозг говорил, что это его рабская кличка. Тем не менее Псу это имя нравилось. Ему повезло, что оно у него было. Мать испытывала к нему достаточно любви, чтобы сделать для него хотя бы это. Многие родители, отдавая своих детей в Дома, называли их просто «Икс», «Игрек» или «Зед».

— Я агент Шеклтон, — проговорил человек сквозь новое облако дыма. — Бюро тератологических исследований. Ты уже знаком с нашей процедурой, не так ли?

Каждый год правительство присылало своего служащего, который задавал детям вопросы. Выяснял, остались ли они еще людьми. Не хочется ли им сделать кому-нибудь больно, не бывает ли у них плотских мыслей относительно нормальных девочек и мальчиков, и прочее в том же духе.

— Да, — сказал Пес. — Я знаю процедуру.

— В этот год все будет по-другому, — сообщил агент. — На этот раз я пришел выяснить, нет ли в тебе чего-нибудь особенного.

— Я не очень хорошо понимаю вас, сэр.

Агент Шеклтон оперся локтями о стол.

— Ты находишься на попечении штата. Таких, как ты, больше миллиона. Вы все уже четырнадцать лет живете в Домах в свое удовольствие, катаетесь там как сыр в масле. И вот сейчас, наконец, у некоторых из вас начали проявляться определенные способности.

— Какие это?

— Например, мне однажды довелось видеть парнишку, у которого были жабры и он мог дышать под водой. Другой мог слышать разговоры за милю от себя.

— Да ну! — недоверчиво протянул Пес.

— Вот именно.

— В смысле, как какие-нибудь супергерои?

— Да. Как Человек-паук. Если бы Человек-паук был хотя бы наполовину похож на настоящего паука.

— Я никогда ни о чем таком не слышал, — сказал Пес.

— Так вот, Енох, если у тебя имеются такие способности, ты мог бы доказать, что тебя здесь кормят не зря. Это твой шанс расплатиться за свое содержание. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да... наверное.

Удовлетворенный, Шеклтон откинулся в кресле и возложил ноги на столешницу. Папку с документами он положил себе на колени, лизнул палец и принялся листать. Не отрываясь от чтения, достал черную авторучку и несколько раз пощелкал ею.

— Неплохие отметки, — произнес он. — Математика, правописание... Ведешь ты себя тихо... Ну хорошо. Расскажи мне, что ты умеешь делать. А еще лучше, покажи.

— Что я умею делать, сэр?

— Сделай это для меня, и я сделаю что-нибудь для тебя. Я возьму тебя в особенное место.

Пес мельком бросил взгляд на красную дверь в боковой стене, потом снова обратил лицо к Шеклтону. Даже смотреть в ту сторону считалось дурной приметой. Красная дверь вела вниз, в подвал, в помещение под названием «Дисциплинарная». Туда отправляли проблемных детей.

Он никогда не бывал там внутри, но слышал рассказы. Все дети их слышали. Директор Уиллард хотел, чтобы они это знали. Это входило в их обучение.

Осторожно он произнес:

— А что это за место?

— Это место, где много еды и есть телевизор. Место, где тебя никто никогда не потревожит.

Мозг всегда говорил, что нужно подыгрывать нормалам, чтобы не угодить в их систему. Они специально пишут свои правила таким образом, чтобы заманить тебя в Дисциплинарную. Но еще больше Пес желал показать себя. Он хотел быть особенным.

— Ну я очень быстро бегаю. Спросите кого угодно.

— То есть в этом состоит твой особый талант. Ты быстро бегаешь.

— Очень быстро! Это считается?

Агент улыбнулся.

— В том, чтобы быстро бегать, нет ничего особенного. Абсолютно ничего.

— Спросите у любого, как быстро я бегаю! Спросите у...

— Ты не особенный, Пес. И никогда не будешь особенным.

— Я не понимаю, чего вы хотите от меня, сэр.

Улыбка Шеклтона исчезла вместе с папкой, где содержались бумаги на Пса.

— Я хочу, чтобы ты убрался к черту с глаз моих долой. Пришли ко мне следующего монстра, когда будешь выходить.

Глава вторая

Загрязнение окружающей среды. Инфекции. Наркотики. Радиация. Все эти вещи, сообщил им мистер Бенсон, стоя возле доски, могут служить причиной мутации у эмбриона.

Какая-то бактерия привела к появлению чумного поколения. К появлению других детей: чумных, тех, что живут в Домах.

Эми Грин поерзала, сидя за партой. У нее опять чесалась макушка. Мама говорила, что если она не прекратит ее теревить, то дочешется до лысины. Поэтому Эми удовлетворилась тем, что намотала на палец прядь длинных темных волос и принялась дергать, наслаждаясь иголочками боли, пронзающими кожу головы.

— Чума относится к болезням, которые передаются половым путем, — сообщил мистер Бенсон классу.

Эми уже кое-что знала об этом из курса истории Америки и из того, что ей рассказывала мама. Чума началась в 1968 году, за два года до ее рождения, в те времена, когда любовь еще была свободной. Потом заболевание, получившее название тератогенез, прокатилось по планете, и явилось поколение чумных детей.

Один из десяти тысяч детей, рожденных в 1968 году, был монстром, и большинство из таких детей умерло. В 1969-м это был уже один из шести, и умерла половина. В 1970-м — один из трех; в этот год ученые изобрели тест, чтобы определить, есть ли у тебя заболевание. Большинство этих детей остались в живых. После того как была арестована медсестра, убившая тридцать младенцев в тexasском роддоме, уровень выживаемости резко пошел вверх.

Больше миллиона чудовищных детей вопило, требуя, чтобы их покормили. К этому времени Конгресс уже выделил фонды на организацию системы Домов.

Прошло четырнадцать лет, а лекарства по-прежнему не изобрели. Если ты подцепил бациллу, единственным стопроцентным методом не распространять ее дальше было воздержание — чему их и учили здесь, на уроках гигиены. Для тех же, кому случалось забеременеть, аборт был обязателен.

Эми раскрыла учебник и склонилась над ним, вдыхая густой, пикантный аромат новой книги. Книжки, отточенные карандаши, линованная бумага: невеселые запахи, которые ассоциировались у нее со школой. На странице была изображена репродуктивная система женщины. Вот отсюда появляются дети. Ее приятель Джейк, сидевший рядом, взглянул на страницу, улыбнулся и покраснел. Завороженный и смущенный всем этим, как и она сама.

В старших классах половое воспитание было обязательным предметом, без каких-либо оговорок или оправданий. Эми и ее одноклассницы, спотыкаясь, преодолевали период полового созревания. Тампоны, набухающие груди, мучительные ночные мысли; бесконечные разговоры о том, что мальчикам нравится и чего они хотят.

У Эми уже имелось некоторое представление о том, чего они хотят. Другие девочки постоянно делали ей

комплименты, говоря, какая она красивая. Мальчики разглядывали ее, когда она шла по коридору. Все были с ней так милы все время! Но она никому не верила. Стоя голой перед зеркалом, Эми видела в себе одни лишь изъяны. На прошлой неделе она обнаружила на своей коже прыщ и целый час не сводила с него глаз, ненавидя собственное уродство. Каждое утро у нее уходило по часу, чтобы привести себя в порядок перед школой. Она не выходила из дому до тех пор, пока не убеждалась, что выглядит идеально.

Эми перевернула страницу. Ее встретила широкая улыбка очередного монстра. Эми со стуком захлопнула книгу.

Мистер Бенсон спросил у класса, видел ли кто-нибудь из них чумного ребенка своими глазами, не по телевизору или в журнале, а вблизи, лицом к лицу. Поднялось несколько рук. Эми крепко прижала ладони к парте.

— В этом году, дети, я собираюсь достичь с вами двух целей, — сообщил им учитель. — Главное — это научить вас, как избежать распространения заболевания. Мы будем много говорить о безопасном сексе и изучим все правила насчет того, как это делать и делать ли вообще. Кроме этого, я намерен помочь вам почувствовать себя более комфортно в отношении тех чумных детей, которые уже родились и которым сейчас столько же лет, что и вам.

Сколько Эми себя помнила, чумные дети всегда жили в общих домах где-то за городом, подальше от людей. Один такой дом располагался всего лишь в восьми милях от Хантсвилла, но с тем же успехом он мог бы находиться на Луне. В городе монстры никогда не появлялись. И хотя это не помогало людям полностью забыть об их существовании, всегда проще не думать о том, что не лезет на глаза.